

Моим друзьям посвящается

Тогда иди — есть и другие миры, кроме этого.

*Стивен Кинг
«Темная башня»*

ГЛАВА 1

Пистолет без доброго слова

—Здр-равствуй, родина, — с чувством сказала Маша и выжала педаль тормоза.

Машина послушно остановилась.

В свете фар лужа впереди казалась маленьким грязным озером, соваться в которое на нежной южнокорейнке с передними ведущими колесами совершенно не хотелось.

— Надо же, — удивился Женька. — Всего-то два часа не самого сильного дождика, а какой великолепный результат! «Кэмел-Трофи», да и только. Вперед, старушка, здесь должно быть неглубоко.

— «Жигули» тебе старушка, — объяснила Маша. — Или жена, когда появится. Откуда этот допотопный жаргон? А еще писатель с журналистом. Два, блин, в одном.

— Не будем нервничать, — попросил Женька. — Ты за рулем, тебе вредно. Да и какой из меня писатель? Так, одни понты. Вот журналист — это да.

— Надо же, какие мы самокритичные! — с усмешкой покосилась на него Маша. — Не скромничай. Пара-тройка твоих рассказов очень даже ничего. Журналист так не напишет — только писатель.

— Спасибо на добром слове. Польщен и таю. Но ты все равно не нервничай, ладно? Торопиться нам особо некуда.

— А на работу завтра?

— Так это ж завтра, — резонно заметил Женька. — А сейчас только двадцать два часа и двадцать пять минут. И вообще, какие проблемы? Перед нами здесь несколько машин прошло.

— Вот именно, что перед нами.

— Вообще-то есть другая дорога, — сообщил с заднего сиденья Никита. — Лучше.

— Сразу нельзя было сказать? — поинтересовалась Маша.

— Думал, проедем, — сказал Никита. — Здесь-то гораздо ближе. А другая — в объезд. Далеко и через лес.

— Хрен с ним, с объездом и лесом. Главное, чтобы не утонуть.

— Тогда разворачивайся.

На дачу Никиты они приехали в ночь с пятницы на субботу. Погода на выходные не подвела, и отдых удался. Но перед отъездом неожиданно зарядил дождь и очень быстро превратил вполне нормальную грунтовку, идущую к шоссе, в обычный русский непролазный тракт.

— К полуночи хоть до Москвы доберемся с твоим объездом? — осведомилась Маша, когда они в обратном направлении миновали невеликий дачный поселок и свернули на узкую, заросшую травой дорогу, ведущую в лес.

Здесь действительно можно было проехать без риска застрять в грязи.

— Куда мы денемся, — ответил Никита. — Конечно, если ближе к городу не встанем в пробке. Оно вроде

бы и не должны в это время, но всякое бывает, как ты понимаешь.

— Да, — вздохнул Женька. — Автомобилей в Москве развелось, как собак нерезаных.

— А собак нерезаных — как автомобилей, — сказал Никита.

— У нас собаки, — заметила Маша. — А где-то лисы и даже еноты. Я читала, нишу обязательно будет кто-то занимать. И кто лучше?

— Не знаю, — сказал Женька. — Я не жил в городе с лисами. Тем более с енотами. Собаки привычнее в любом случае.

— У одной моей знакомой жил енот, — сообщил Никита.

— Да ну? — удивилась Маша. — И где она его взяла?

— Привезла откуда-то с Черноморского побережья. В Подмосковье еноты не водятся — холодно им тут.

— Тут и людям холодно, не то что енотам, — вздохнул Женька.

Дорога нырнула в лес, и Маша еще сбросила газ, хотя и до этого ехала не быстро.

И, как выяснилось буквально через пару километров, правильно сделала.

Мужчина в плаще и с рюкзаком за плечами неожиданно шагнул на дорогу прямо из кустов. Заметить его раньше не было никакой возможности — уже стемнело, и дорога в этом месте делала поворот. Но все бы, наверное, обошлось, не поскользнулся он на мокрой глине.

Пока человек махал руками и пытался удержать равновесие, а Маша с криком «б...дь!» жала на тормоз, автомобиль все-таки ударил мужчину в бок. Вроде бы не очень сильно, но незадачливый лесной пешеход упал, а столкновение восьми центнеров металла и пластика с

телом ощутили в салоне все. Впрочем, в ту же секунду машина остановилась.

— Я гляну, — сказал Женька, дотронувшись до окаменевшего Машиного плеча, и полез наружу.

Вслед за ним выбрался из машины и Никита.

Мужчина неподвижно лежал на спине. Рядом с ним валялся выпавший из руки, но продолжающий гореть электрический фонарик.

«Лет сорок с лишним дядьке на вид, — определил Никита. — Господи, неужели мы его...»

Не открывая глаз, мужчина отчетливо застонал и шевельнул рукой.

— Слава богу, — сказал Женька.

Рюкзак пострадавшего был старого, еще советского образца, очень тяжел и набит чем-то твердым и на ощупь железным.

— Как, по-твоему, — спросил Никита, когда они освободили мужчину от брезентовых лямок и отволокли его и рюкзак на обочину, — на что это похоже?

— На автоматные цинки, — тут же сообразил, о чем его спрашивают, Женька. — Кто таскал и вскрывал — не забудет. Я бы сказал, что в этом рюкзаке — четыре цинка по семьсот патронов в каждом.

— Калибром пять сорок пять, — добавил Никита.

— Да уж, — согласился Женька. — Семь шестьдесят два были бы тяжелее.

— Специалисты, — фыркнула Маша, которая к этому времени обрела дар членораздельной речи и тоже вышла из машины. — Оружейники. Лучше скажите, что с ним. А то мне в тюрьму очень не хочется.

— Ударился вон о тот камень головой, — показал Женька. — Не смертельно. Сознание, как видишь, по-

терял, но жить будет. Думаю, отделается сотрясением мозга. В крайнем случае.

— Да здравствует свобода, — сказала Маша. — Может быть, отвезем его в больницу? От греха.

— Нет, — отчетливо произнес незнакомец. — Никаких больниц.

— Оказался он живой, — процитировал Женька.

— Как вы? — спросил Никита и присел рядом с пострадавшим на корточки. — Трудно, наверное, не заметить на ночной дороге в лесу машину, едущую с включенными фарами?

— Я спешил, — глухо произнес мужчина. — Поэтому и поскользнулся. Вы ни при чем, сам виноват.

— Слава богу, что вы это признаете, — сказал Женька. — Но вы целы? Давайте мы отвезем вас куда надо. Что у вас болит?

— Голова, — пожаловался мужчина. — Болит и кружится. Но это не важно. Помогите мне сесть.

Сильный Никита приподнял мужчину и прислонил спиной к ближайшему дереву.

— Давайте мы все-таки отвезем вас в больницу, — сказал он. — Или хотя бы домой. Где вы живете?

— Туда, где я сейчас живу, на машине не доедешь, — негромко, но отчетливо произнес странный незнакомец. — Дайте мне, пожалуйста, фонарь.

Женька подобрал и подал фонарь.

— Черт, — озабоченно сказал мужчина, посветив себе на часы. — Времени совсем мало. Если я не успею... Вас трое? Отлично. Самый сильный пусть возьмет рюкзак. А двое остальных помогут мне добраться до... В общем, здесь недалеко. Я бы и сам, но голова очень кружится. Боюсь, не дойду, а от этого слишком многое зависит.

— Послушайте, — Маша постаралась придать голосу максимум убедительности. — Вы ударились головой о камень, и это может быть очень опасно для здоровья. Я думаю, что вам нужно в больницу. Пусть врач посмотрит, а потом...

— Мы теряем время, — нетерпеливо перебил мужчина. — Которого и так почти не осталось. Девушка, не надо рассуждать. Надо просто сделать то, о чем я прошу. Возьмите рюкзак и помогите мне встать и дойти. Повторяю, здесь недалеко.

— В рюкзаке у вас автоматные патроны, — произнес Женька нарочито скучным голосом. — Хотелось бы знать, откуда и зачем.

— Любопытной Варваре на базаре знаешь что сделали? — осведомился мужчина. — Дьявол, не хотелось, но вижу, что иначе нельзя. Эх, угораздило меня...

Его рука юркнула за отворот плаща и появилась обратно уже с пистолетом.

— Что за шутки! — возмутилась Маша. — Немедленно уберите оружие и...

Мужчина выстрелил, и пуля смачно влипла в левую переднюю дверцу машины. Маша вскрикнула.

— Следующая достанется вам, — пообещал незнакомец. — Можете в этом не сомневаться. Убить, может, и не убью, но больно будет долго. Все, хватит болтать. Ты, — он указал стволом на Женьку, — вместе с девушкой берите рюкзак. А ты, — кивок Никите, — помоги мне встать. Сейчас же. И учти — пуля в стволе, предохранитель снят и колебаться я не стану.

Они шли через лес почти точно на север, как определил Никита. Правой рукой он, словно крепко подвыпившего друга, обнимал мужчину за талию. Незнакомца заметно шатало и, если бы не поддержка Никиты, он

бы наверняка упал. Впрочем, с каждой минутой ступал он все тверже, а уж ствол пистолета упирал в бок Никите очень уверенно с самого начала.

Идти и на самом деле оказалось недалеко.

Через пару сотен шагов местность стала заметно повышаться, и Никита припомнил, что в поисках грибов где-то здесь рядом он пару раз натыкался на пригорок, на вершине которого имеется полуоплывшая, еще с войны, большая воронка. Скорее всего, от мощной немецкой авиабомбы — в 41-м здесь шли жесточайшие бои, и в окрестных лесах до сих пор на каждом шагу попадались и воронки от снарядов и бомб, и окопы, и остатки траншей.

Что мог забыть ночью на этом пригорке их внезапный ночной встречный, было труднообъяснимо, но торопился он именно сюда. Потому что на краю воронки он остановился и сказал:

— Все, добрались. Кажется, успели.

— И что дальше? — хмуро осведомился Женька.

— А дальше спихивайте рюкзак в воронку и как можно скорее шагайте назад — к своей машине. Садитесь в нее и уезжайте. И забудьте о нашем знакомстве.

— Это вряд ли, — сказала Маша.

— Как вам будет угодно, — не стал возражать незнакомец. — Ну, чего вы ждете? Идите отсюда.

Они развернулись и молча пошли вниз. Маша подсвечивала дорогу фонариком, который вместе с сумочкой догадалась прихватить из машины с самого начала, и Никита с Женькой держались поближе к ней.

— Как-то это все унижительно, не находите? — осведомился шепотом Женька, когда троица спустилась с пригорка.

— Добрым словом и пистолетом, — ответил Ники-

та, — можно добиться больше, чем просто добрым словом. Не помню, кто это сказал.

— У него разве нашлось для нас доброе слово? — фыркнула Маша. — Что-то я не заметила.

— Стойте, — негромко сказал Женька. — Не знаю, как вы, а я так не могу.

— Как именно? — спросила Маша.

— Да вот так. Сказал нам взрослый дядя идти, мы и пошли.

— У взрослого дяди большой и настоящий пистолет, — напомнил Никита.

— Плевать, — Женька остановился и тихо, но быстро продолжил: — Мой репортерский нюх просто-таки вопиет о сенсации. Подумайте сами. Что делать ночью в лесу человеку с рюкзаком автоматных патронов и пистолетом? Да не просто в лесу, а в старой воронке от авиабомбы, куда ему необходимо было попасть к определенному времени. — Он вытащил из набедренного кармана своих штанов-карго мобильник и щелкнул крышкой. — Вот. К одиннадцати часам и двенадцати минутам. А?

— Понятия не имею, — признался Никита. — Но скажу честно, что соваться туда мне лично не очень хочется. И тебе не советую. Я не люблю, когда стреляют в меня или в моих друзей.

— Брось, — сказал Женька. — Какая стрельба? Он пугает только, это же сразу видно. Я только одним глазком...

Бау-у-у...

Звук, как будто кто-то нечаянно задел струну бас-гитары, донесся со стороны пригорка, и они разом обернулись.

Как раз вовремя, чтобы заметить угасающий за деревьями сполох неяркого зеленоватого света.

— Я мигом, — шепотом пообещал Женька и решительно двинулся в сторону пригорка.

— Погоди, — ухватил его за плечо Никита. — Идти, так вместе.

— Вот именно, — согласилась Маша. — Я тут одна не останусь, и не надейтесь.

К воронке они подобрались так тихо, как только сумели, и света от выглянувшей из-за туч луны вполне хватило, чтобы разглядеть — на дне никого нет.

— Вот те раз, — пробормотал Женька. — Маш, дай-ка мне твой фонарик. — Он немного подумал и добавил: — Пожалуйста.

Но и с помощью фонарика они не смогли обнаружить даже малейших следов незнакомца.

— Ничего не понимаю, — в полный голос признался Женька. — Он же еле шел, мотало его. Да еще и рюкзак с патронами. Куда делся?

— Очухался и свалил, — предположил Никита.

— Или уполз, — хмыкнула Маша. — Действительно, странно.

— А это что? — заинтересовался Женька, направляя луч фонаря на дно воронки.

— Что? — спросил Никита.

— Да вон, чернеет.

— По-моему, это камень, — не очень уверенно сказала Маша.

— Камень... Он всегда здесь был?

— По-твоему, я должен знать каждый торчащий из земли камень в округе? — осведомился Никита.

— Каждый, не каждый... — пробормотал Женька. — Ну ладно, ладно, сейчас посмотрим.

Он спустился в воронку, присел на корточки и протянул к камню руку.

— Ам! — громко сказала Маша.
Женька дернулся.
Никита засмеялся.
— Дураки, — вздохнул Женька. — Оба.
И решительно приложил к камню ладонь.
— Холодный, — сообщил он через секунду. —
И гладкий. Откуда бы здесь взяться такому камню, хотел бы я знать? На гранит не похоже.
— А на алмаз? — спросила Маша.
— Нет, не романтики вы, — вздохнул Женька. — Я вот нюхом чую, что здесь все не так просто.
— Бритву Оккама знаешь? — спросил Никита. — Советую воспользоваться.
— Бритва Оккама — вещь хорошая, — сказал Женька. — Но... Черт, мне кажется или он на самом деле дрожит?
— Кто? — нахмурилась Маша.
— Не «кто», а «что». Камень. По-моему, я ощущаю какую-то вибрацию.
— Мели, Емеля, твоя неделя, — усмехнулся Никита. — Вибрацию он ощущает...
— Да ты сам пощупай! — возмутился Женька. — Маш, или ты. Честное слово не вру!
Маша посмотрела на Никиту, тот пожал плечами.
— Хорошо, — сказала она. — Но если разыгрываешь...
Она аккуратно спустилась вниз и присела рядом с Женькой:
— Ну-ка...
Никита громко и длинно вздохнул.
— Чувствуешь? — нетерпеливо спросил Женька.
— Да погоди ты, не суетись. Тихо будь.

Несколько секунд тишину нарушал лишь ветерок, копошащийся в вершинах деревьев.

— Знаете что, друзья мои... — не выдержал Никита.

— Кажется, действительно что-то есть, — сказала Маша. — Едва ощутимо, но есть. Никита, иди сюда, попробуй.

— Интересный какой вечерок у нас выдался, — сказал Никита, спускаясь к друзьям. — То мужик с патронами, то воронка с камнями. Что дальше будет, интересно? Надеюсь, не берлога с медведями. Подвиньтесь-ка.

Женька и Маша освободили ему место, подавшись в стороны, но дотронуться до камня Никита не успел. Низкий, едва слышный гул зародился, как им показалось, где-то под ногами, резко набрал силу, окружил со всех сторон и плавно затих.

Как будто кто-то невидимый задел струну на гигантской бас-гитаре.

И вместе со звуком вспыхнуло над камнем зеленоватое облачко туманного света, заполнило воронку до самых краев и тут же пошло на убыль, пропало, исчезло, словно вода, выпущенная из раковины, как и не было ничего.

ГЛАВА 2

Дорога со странностями

— Мама, что это было? — процитировал старый анекдот Женька. — Нет, вы видели? Этот свет прямо из камня шел!

— И звук, — сказала Маша. — По-моему, звук тоже где-то там зародился, в камне этом.

— Фантазеры, — пробормотал Никита, забрал у

Женьки фонарь, присел и ощупал предполагаемый источник странного звука и света.

Камень как камень. Ну, то есть не совсем, конечно. Во-первых, на удивление гладкая поверхность, словно отполированная. Во-вторых, ясно, что доступна лишь малая его часть, а сам он под землей и непонятно, какой на самом деле величины. В-третьих, порода. Черный непроницаемый цвет. Во всяком случае, сейчас, при свете фонаря, он кажется черным. Базальт? Честно признаемся, что в камнях и вообще горных породах мы ни хрена не понимаем. Образование не то.

— Никакой вибрации я не чувствую, — сказал он и поднялся. — Хоть это ни о чем не говорит. Свет я видел, а звук слышал. Как и вы.

— Вывод? — спросила Маша.

— По-моему, надо ехать домой. Ночь — не самое лучшее время для полевых исследований и поисков незнакомых, вооруженных пистолетами людей. Предлагаю вернуться сюда в субботу днем и уже тогда тщательно все осмотреть.

— Н-да, — вздохнул Женька. — Жаль, но, кажется, ничего другого не остается.

Они выбрались наверх и не спеша направились к дороге, освещая себе путь Машиным фонариком.

Но машины на дороге не оказалось.

Они прошли сотню метров вперед, а затем назад, до самой опушки, но дорога была пуста.

— Неужели этот Индиана Джонс с рюкзаком и пистолетом ее угнал? — возмутилась Маша. — Типа отвлек сначала внимание, а потом... Хорошо еще, что застрахована и сумочку с деньгами и документами я на автомате с собой взяла. Но все равно хлопот теперь не оберешься.

— Гадай не гадай, а колес у нас нет, — заметил

Женька. — В Москву же попасть сегодня ночью желательно по-любому. А почему Индиана Джонс?

— Хрен его знает, чем-то напомнил. Симпатичный мужчина, вообще-то. Хоть и немолодой.

— С тобой, подруга, не заскучаешь, — изумился Женька. — Хельсинкский синдром?

— Вряд ли. Просто я стараюсь хотя бы иногда быть объективной.

— Для разнообразия? — догадался Женька.

— Ага.

— Можно вернуться на дачу, — предложил Никита, — а утром уехать на автобусе.

— Это на крайний случай, — сказал Женька. — Говорю же, мне рано утром надо быть в Москве.

— Мне тоже, — поддержала его Маша. — До трассы отсюда далеко? Может, удастся поймать машину. Неужто троих приличных молодых людей никто не подберет?

— Минут двадцать, — прикинул Никита. — А на счет подберет... Ты бы подобрала?

— Пока не попробуешь — не узнаешь, — туманно ответила Маша. — Не получится — вернемся на дачу. А?

— Решено, — сказал Женька.

Шоссе встретило их тишиной, нарушаемой лишь далеким скучным лаем собаки да их собственными шагами. За то время, что они провели в лесу, погода резко изменилась — подул теплый юго-западный ветерок, и небо очистилось от туч.

— Негусто транспорта, — определил Женька. — Здесь всегда так в это время?

— Черт его знает, — сказал Никита. — Но отчаиваться рано. Вон справа автобусная остановка с лавочкой, на которую можно сесть и подождать. Глядишь, и в

самом деле кто-нибудь проедет и подберет. А нет, так вернемся на дачу. Здесь совсем недалеко.

За десять минут, которые они провели на автобусной остановке, мимо не проехало ни одной машины. Ни в сторону Москвы, ни обратно.

— Уже первый час, — посмотрел Женька на дисплей мобильного. — Кстати, вы в курсе, что связи здесь нет?

— Как это? — удивился Никита и снял с ремня свой телефон. — Всегда была...

— Именно здесь, на остановке? — уточнил Женька. — Или только на твоей даче?

— В том числе и на остановке. И верно, «поиск сети» высвечивается. Чудеса какие-то.

— Наши глюки не для скуки, — симпровизировал Женька и, глянув налево, воскликнул: — О! Кажется, кто-то едет.

Вдали, из-за поворота, блеснул свет фар, и послышался шум мотора.

— Так, мальчики, — безапелляционно заявила Маша и поднялась с лавочки. — Останавливать и говорить буду я. А вы помалкивайте.

— Конечно, — сказал Женька. — Будь у меня такая фигура и статья...

— Трепло, — не оборачиваясь, бросила Маша, шагнула на край проезжей части и подняла руку.

Сошедший с конвейера еще в прошлом веке, весьма потрепанного вида древний «ГАЗ-66», заскрипев всеми тормозами и сочленениями, остановился точно напротив. Не успела Маша подойти, как дверца с правой стороны распахнулась, и густой бодрый мужской голос осведомился:

— Вам куда, полуночники?

— До Москвы подвезете? — спросила Маша. — Не обидим.

— Меня трудно обидеть, — засмеялся водитель. — Даже втроем.

— Я хотела сказать, что заплатим, — несколько растерялась Маша. — Сколько вы хотите?

— Сколько я хочу, у вас все равно нет. На бутылку дадите — и ладно. В кузове сойдет? Там есть скамейки. И учтите — только до Окружной.

— Сойдет, конечно, спасибо, — поблагодарил Никита, подходя ближе. — А куда это — до Окружной? До МКАД?

— До Московской окружной дороги. Которая вокруг Москвы идет, значит. Вы откуда, ребятки?

— Вообще-то из Москвы, — уверенно ответил Женька. — А что, не похоже?

— Ну-ну, — сказал водитель. — Из Москвы так из Москвы. Залазьте, поехали.

Они залезли в кузов, уселись на деревянную скамью, и «ГАЗ-66» тут же тронулся с места.

— Довольно резво для своих лет бежит «газон», — похвалил Женька. — Эх, хорошо! Сто лет в открытом кузове не ездил.

— А я и вовсе первый раз, — призналась Маша. — Здесь всегда так трясет и кричать надо, чтобы тебя слышали?

— Ну уж прямо и кричать, — заступился за грузовик Никита. — Просто говорить чуть громче обычного. А трясет... По-моему, у него просто рессоры ни к черту.

— У меня такое впечатление, что это шоссе стало хуже, — сказала Маша. — Рессоры рессорами, а мы в пятницу здесь ехали, и дорога была глаже.

— Тебе кажется, — сказал Никита. — Шоссе то же самое, можешь мне поверить.

— Мне другое интересно, — сказал Женька. — Почему наш водитель назвал МКАД Московской окружной дорогой?

— Потому что МКАД — это и есть, по сути, Московская окружная дорога, — сказала Маша.

— Это старое название, — возразил Женька. — Теперь и давно все говорят МКАД.

— Наш водитель тоже не юноша, — заметил Никита. — Может, ему просто не нравится эта аббревиатура — МКАД. Вот и пользуется... Московской окружной дорогой. Мало ли чудиков на свете.

Постепенно разговор сам собой затих, и друзья просто сидели и смотрели на убегающую назад темную стену ночного леса и неподвижную луну над головой. Стало прохладнее. Никита снял и накинул Маше на плечи свою джинсовую куртку.

— Спасибо, — кивнула она. — Еще одна претензия к Индиане Джонсу — моя куртка в машине осталась.

— Я все-таки думаю, что это не он, — сказал Никита. — По лесу трудно ходить бесшумно. Мы бы его услышали.

— Согласен, — поддержал Женька. — Да еще по лесу ночному и с тяжеленным рюкзаком за плечами. Хотя, если он Индиана Джонс, то все возможно.

Они засмеялись.

Грузовик, не снижая скорости, вошел в поворот, и свет фар выхватил на пару секунд из ночной тьмы пустырь и какую-то свалку на другой стороне шоссе.

— Это еще что такое? — удивился Никита.

— Что? — не понял Женька.

— Да вон, свалку только что проехали, сразу за поворотом. Не должно тут, по идее, никакой свалки быть.

Женька с Машей посмотрели назад.

— Не вижу уже, — сказал Женька. — А что там должно быть?

— Заправка лукойловская. Я на ней заправляюсь время от времени. Точнее, заправлялся, пока машину не продал. Что за чертовщина...

— Ты уверен? — спросила Маша.

— Абсолютно.

— Я не помню заправки, — сказала Маша. — Ты, наверное, перепутал. Не бывает так, чтобы позавчера заправка, а сегодня уже свалка.

— У нас в России все бывает, — философски заметил Женька. — Но скорее всего ты, Никита, и в самом деле что-то напутал.

— Ребята, — сказал Никита. — Я по этой дороге с детства езжу. А эта заправка тут уже лет семь как стоит. На память, слава богу, не жалуясь.

— А раньше на месте заправки что было, — поинтересовался Женька, — если на память не жалуешься?

Никита наморщил лоб, вспоминая.

— Раньше... — пробормотал он. — Так... Блин! Свалка! Свалка там была, не поверите.

— Разыгрываешь, — сказала Маша. — Или просто не помнишь, а теперь выкручиваешься.

— Разыгрываю, значит?

— Ага, — сказала Маша. — Пудришь нам мозги. Правда, Жень?

— Именно это он и делает, — подтвердил Женька.

— Я прекрасно знаю эту дорогу, — покачал головой Никита. — Хотите, докажу?

— Хотим, — сказала Маша.

— Очень, — сказал Женька.

— Хорошо. Смотрите внимательно. Сейчас будет плавный и длинный правый поворот. Сразу за ним — перекресток. А за перекрестком — магазин круглосточный, ярко освещенный, и придорожное кафе.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Женька.

Дорога стала забирать вправо. Свет фар скользнул по краю леса и снова лег на дорогу, а затем высветил перекресток впереди и какой-то одноэтажный покосившийся барак с заколоченными крест-накрест окнами. Пять секунд, десять... и вот уже перекресток вместе с баракom остались позади.

— Видели? — воскликнул Никита. — Поворот есть, перекресток на месте, а магазин с кафешкой исчезли! Вместо них какая-то развалюха. Ничего не понимаю!

— Мы же водки не пили сегодня вроде, — сказал Женька. — Но, честно сказать, я этого барака не помню. С другой стороны, не уверен, что помнить должен.

— Я тоже не помню, — сказала Маша. — Но это ни о чем не говорит.

— Да не было здесь никакого барака, — упрямо помотал головой Никита. — Ребята, я правда не вру. Магазин здесь был всегда. И кафешка.

— Всегда? — спросила Маша. — Как лукойловская заправка?

— Ну, не всегда, конечно. Но лет пятнадцать — точно. А то и больше.

— А до этого? Неужели барак с заколоченными окнами?

— Издеваешься, да? — вздохнул Никита. — Нет чтобы помочь.

— Да чем же я тебе помогу, Никитушка? — удивилась Маша. — Я эти места и не знаю почти. Да ты не

расстраивайся, бывает. Сейчас доедем до Москвы, придешь домой, ляжешь спать, а наутро все встанет на свои места. Включая голову.

Никита хмыкнул и ничего не ответил, а Женька с энтузиазмом принялся рассказывать о том, как он однажды перепутал очень похожие остановки электрички, сошел раньше, чем нужно, и долго не мог понять, куда подевался нужный ему дом в дачном поселке.

— Сосны-то вроде те же, а дом — тю-тю. Два этажа, между прочим, кирпичный. И гараж еще рядом. Нету! Туда-сюда, все равно нету. Испугался уже, что крыша у меня окончательно поехала, — закончил он. — Пока добрые люди не подсказали, в чем дело.

После чего подумал, вздохнул и добавил:

— Правда, был я, признаться, крепко выпивши.

Некоторое время друзья молчали, слушая гул мотора и наблюдая за поднявшейся уже довольно высоко луной.

— В любом случае мимо Москвы мы не промахнемся, — сказала Маша, — потому что едем на восток.

— Верно, — согласился Женька. — Север прямо перед нами — вон она, Полярная.

— Не обижайся, — толкнула Маша Никиту плечом. — Но я и правда очень плохо помню, что там было по сторонам дороги. Тем более что ехали мы сюда днем, а возвращаемся ночью.

— Все нормально, — буркнул Никита. — У меня, наверное, и вправду какой-то глюк приключился в мозгах. Я уже заметил два знакомых указателя. Скоро Москва.

Но оказалось, что Москва еще не очень скоро, и они сами не заметили, как под звук мотора и легкую тряску (шоссе ближе к Москве явно улучшилось) впали в смутную полудрему, в которой почти утратили чувство времени и расстояния. Во всяком случае, когда грузо-

вик затормозил на обочине, никто из них не смог быстро сообразить, в каком именно месте на въезде в столицу они находятся.

— Все, ребятки! — крикнул водитель, высунувшись из кабины. — Приехали, Окружная. В самую Москву я не еду, предупреждал.

Поеживаясь от ночного холодка, они слезли на землю.

— Где мы? — спросил Женька. — Что-то не узнаю...

— Если дальше пройти, — сказал водитель, — то в конце концов попадете на Кутузовский.

— Ага, — глубокомысленно изрек Женька. — Все равно не узнаю. Ну и ладно. Главное, доехали.

Он полез в задний карман, вытащил бумажник, достал оттуда деньги и протянул водителю.

— Что это? — недоуменно повертел тот в руках бумажки. — Это шутка такая?

— Мало? — удивился Женька. — Ты же сказал, на бутылку. А здесь на все три. И не паленой, а хорошей, качественной.

— ...вашу мать! — разозлился водитель. — Сказали бы сразу, что денег нет, я бы понял, не зверь какой. А так-то — зачем? Эх, молодежь, все шуточки вам да игрушечки, пока задницу не припекло. На, забери обратно и спрячь. А лучше — выброси. Менты сейчас повсюду. Заметут, найдут, что ты им скажешь? Благодарить бога, что у меня сын такой, как ты. А то бы... На!

Он сунул Женьке деньги, сплюнул под колеса, хлопнул дверцей и рванул грузовик с места.

— Однако, — пробормотал Женька, растерянно глядя на смятые банкноты. — Вы что-нибудь понимаете? Я — нет.

— Все страньше и страньше, — процитировала Ма-

ша напряженным голосом. — Что происходит? Никита дорогу не узнает, водила денег не берет. Может, ты ему мало дал?

— Нормально я ему дал! — возмутился Женька. — Нет, вы слышали, что он про ментов говорил? Заметут, найдут... Слушайте, может, за выходные в стране переворот случился, а мы и не заметили? Ящика-то телевизионного нет на даче. И радио с Интернетом тоже.

— Глупости, — сказал Никита. — А мобильники на что? Мы же еще сегодня днем по ним болтали, и все было в порядке. Да и какой может быть переворот вот так, ни с того ни с сего? Нет, не верю.

— У нас в России, как уже не раз было замечено, все может быть, — сказал Женька. — И в любой момент. Потому что непредсказуемые мы.

— Слушайте, непредсказуемые, — вмешалась в разговор Маша, — может быть, все-таки попробуем домой попасть? Рабочий день скоро, а мне еще об угоне заявить надо.

— Домой в это время можно попасть только на тачке, — заметил Женька. — Или на частнике. Но, если честно, я уже боюсь им предлагать деньги. Да и что-то не видно машин особо, что тоже очень странно. МКАД никогда не затихает, но сейчас как-то пусто, вам не кажется?

— Кажется, — согласился Никита. — Мне вообще за последние два часа много чего кажется.

— Так что вы теперь предлагаете? — насмешливо осведомилась Маша. — Ждать здесь до утра?

— Я думаю... — начал было Женька, но закончить мысль не успел.

Рядом с ними резко затормозил милицейский «уазик» с мигалкой на крыше. А сразу за ним — автомо-

биль, очень напоминающий своими угловатыми и грозными обводами американский «Хаммер», но уже не с мигалкой, а с самым настоящим пулеметом на крыше. И ствол этого пулемета как бы случайно был направлен точно на них, а за турелью темнел неподвижный силуэт в каске.

— Надо же, — не удержался от реплики Женька. — А ведь это, похоже, «Тигр». Спеназовцев машинка. Редкая штучка.

Дверца «уазика» с правой стороны распахнулась, и на тротуар неторопливо выбрался милиционер с нашивками старшего сержанта.

— Документики приготовили, — уронил он негромко, но так, что услышали все.

— А представиться? — тоже негромко ответил Женька.

— Что сделать? — удивился старший сержант.

— Представиться, — не обращая внимания на красноречивые взгляды Никиты и Маши, повторил неугомонный Женька. — Я уже не говорю о том, что в российской доблестной милиции вообще и в московской в частности принято сначала желать людям здоровья.

ГЛАВА 3

Нападение

Внутри «уазика» отчетливо воняло бензином, дешевым кожаным заменителем и еще чем-то кисловатым и крайне неприятным.

— Блевали здесь, что ли? — поморщилась Маша.

— Скорее всего, да, — сказал Никита. — Уж выпившего-то народу в этой будке на колесах перебывало немало.

— Давненько меня в ментовку не забирали, — сообщил Женька. — Забытое ощущение.

— Век бы его не вспоминать, — хмыкнул Никита. — Молодец, вообще. Где это видано — с ментами препираться? Ишь, не представились ему.

— И здравия не пожелали, — сочувственно добавила Маша. — Бедненькому.

— Да бросьте вы, — махнул рукой Женька. — Нас бы в любом случае замели. Я как его фуражку увидел, так сразу понял, что мы попали. И попали по-крупному.

— А что с его фуражкой? — удивилась Маша. — Я ничего особенного не заметила.

— Герб СССР у него на фуражке, — пояснил Никита. — Вместо нашего родного и двуглавого российского орла.

— И кокарда со звездочкой, — продолжил Женька. — А должна быть просто трехцветная. Как флаг.

— Вы в этом уверены? — спросила Маша.

— Как бог свят, — серьезно перекрестился Женька.

— Абсолютно, — подтвердил Никита.

— Надо же... — произнесла Маша, — а я и не заметила. Впрочем, это вам, мальчишкам, положено во всякой форме и знаках отличия разбираться, а мы, девушки... Хотя глупости говорю. От страха, наверное. Не знаю, как вам, а мне не по себе. Кстати, вы можете хотя бы приблизительно сообразить, где именно мы едем?

— Как? — пожал плечами Женька. — Окно-то здесь, считай, нет. Да и ночь.

И действительно — через забранное толстой проволочной сеткой единственное окошко, ведущее в кабину водителя, рассмотреть что-либо было почти невозможно.

— Свернули мы один раз. Налево, — сказал Ники-

та. — И с тех пор все время едем прямо. Но это мало о чем говорит.

— Да уж, — согласилась Маша и тут же задала следующий вопрос: — А вообще соображения есть хоть какие-то по поводу того, что происходит?

— Первое, что мне приходит в голову, — сказал Женька, — это провал во времени. Хотя звучит, понимаю, как бред сумасшедшего. Но вспомните нашего Индиану Джонса, воронку с камнем, звук, свет и то, что было на шоссе. Свалка вместо заправки и заколоченный барак там, где должен быть современный магазинчик и кафе. Очень похоже. И водила не знал, что такое МКАД. И связи мобильной не было. А с учетом гербов на фуражках и кокард вообще сходится все.

— Ага, — насмешливо произнес Никита, — сходится. А как же «Тигр» спецназовский, который, я уверен, и сейчас за нами едет с пулеметом на крыше?

— Да, — вздохнул Женька. — «Тигр» в мою теорию явно не лезет. Машина современная. В смысле, относительно недавно выпущенная. Во времена СССР таких не было. По-моему. Но тогда почему у нас отобрали мобильники и на Машкин паспорт среагировали так странно? Да и на мой членский билет Союза журналистов — тоже.

— Значит — что? — попробовала подстегнуть мыслительный процесс Маша.

— А ничего, — скучным голосом сказал Никита. — Данных мало. Нафантазировать мы сейчас можем выше крыши, а толку? Нам не фантазии нужны, а точная информация. Которой у нас пока нет.

Следующие минут десять прошли в молчании. Каждый по-своему пытался осмыслить происходящее, но делать вслух какие-то выводы никто не торопился. Да и

просто трепать языком — тоже. Все-таки денек выдался не самым легким, и накопившаяся усталость вместе с окружающей обстановкой совсем не способствовали легкому и непринужденному общению.

Автоматная очередь и грянувшие тут же вслед за ней два взрыва подряд мгновенно изменили и обстановку, и мысли. Точнее, какие бы то ни было мысли на время исчезли вовсе. Да и откуда взяться мыслям в тот момент, когда машина, в которой вас небыстро и довольно спокойно везут, вдруг под страшный грохот в прямом смысле слова взлетает на воздух, почти разваливается на части, переворачивается и падает обратно на твердый асфальт? Правильно — неоткуда им взяться. В том случае, если вы вообще останетесь в сознании, а также при целых ногах-руках-туловище-голове, то первое, что рефлекторно захочется сделать, — это убежать. Подальше и как можно скорее. А вовсе не мыслить.

То ли от взрыва, то ли от последующего удара о дорогу, но задняя дверь распахнулась, и стала видна часть развороченной взрывом ночной улицы с перевернутым на правый бок спецназовским «Тигром». Ствол крупнокалиберного пулемета бессильно уткнулся в дорогу, рядом валялся мертвый стрелок. Откуда-то сбоку по «Тигру» лупили из автомата. Во всяком случае, сквозь гул в ушах Никита различал знакомый до отвращения вой рикошетов. Однажды, когда он служил срочную на юге страны, его БМП подорвался на фугасе. Рота тогда попала в засаду, и он на всю жизнь запомнил ощущения, которые сейчас испытывал вновь.

Будто в кошмарном сне.

Только это был не сон. Следовательно, надо выбираться наружу и уносить ноги. Так как запах бензина весьма усилился. Что указывало на пробитый бензобак.